

Возможно ли для насъ возсозданіе нашего стараго быта? Вотъ первый вопросъ, который постоянно представляется при появленіи каждаго новаго произведенія, будетъ ли это романъ, драма, поэма, имѣющая эту задачу.

Первое чувство, съ которымъ всѣ мы, мыслящіе читатели или критики, приступаемъ къ подобнаго рода явленію, есть безъ всякаго сомнѣнія -- недовѣріе. На это недовѣріе есть нѣсколько причинъ и причинъ очень важныхъ, заключающихся какъ вообще въ нашихъ умственныхъ и нравственныхъ требованіяхъ, такъ и въ частныхъ, историческихъ или даже чисто случайныхъ обстоятельствахъ. Съ другой стороны, -- нѣтъ никакого сомнѣнія, объ этомъ свидѣтельствуютъ факты, что всякое подобнаго рода произведеніе возбуждаетъ при появленіи своемъ и большой интересъ и значительныя ожиданія: какъ будто все ждемъ мы, что вотъ-вотъ кто-нибудь разрѣшитъ намъ мудреную загадку, разсѣчетъ намъ запутанный узелъ нашихъ отношеній къ нашему старому быту...

Ожиданія большею частію до сихъ поръ не оправдывались: интересъ, сначала сильно возбужденный съ изумляющею быстротою слабѣлъ...

Вотъ наприимѣръ, новый и добросовѣстный трудъ челоѣка съ несомнѣннымъ талантомъ, приступавшаго къ дѣлу съ любовію и съ умомъ, изучившаго избранную имъ эпоху, подложившаго даже душевную мысль подъ свои изученія... На него, на этотъ прекрасный трудъ, многіе, можно-сказать большинство даже, бросились съ жадностью, но и его, увѣ! ждетъ въ скоромъ времени неминуемое забвеніе, постигаетъ общая участь.

Не многое всплыло доселѣ и осталось изъ нашихъ попытокъ возсоздать старыи бытъ: пушкинскіе "Борисъ" да "Русалка", лермонтовскій "Калашниковъ" частями -- остались капиталами, -- блестящіе попытки Вельтмана въ изображеніи старины почти мифической, частями же романы Лажечникова. Остальное, по бывалому выраженію, кануло въ Лету.

Современные наши читатели едва ли помнятъ эпоху свирѣпствованія въ литературѣ историческаго рода съ легкой руки покойнаго Загоскина, а эпоха эта прелюбопытная по своей наивной вѣрѣ. Несмотря на то, что изъ кружка пушкинскаго вышелъ ей едва ли не съ самаго же начала такой приговоръ, что наши тогдашніе романисты снимали изображенія предковъ съ кучеровъ ихъ потомковъ, и что этотъ нѣсколько аристократическій приговоръ въ сущности оказался справедливымъ: многочисленность фактовъ, выражавшихъ одно и тоже стремленіе, была такова, что самъ Бѣлинскій назвалъ этотъ періодъ -- романтически-народнымъ.

И Бѣлинскій былъ даже правъ. Романтическая струя въ той эпохѣ -- несомнѣнна. Несомнѣнна же и народная струя, только она бѣжала вовсе не по тому руслу, по которому шли загоскинскіе романы и кукольниковскія драмы... Тихо и ровно, но широко открыла она свое теченіе въ "Борисѣ", "Русланѣ", "Капитанской дочкѣ", "Арапѣ Петра-великаго", "Дубровскомъ", сверкнула водопадомъ въ лермонтовской поэмѣ "о купцѣ Калашниковѣ", бросивши нѣсколько разливовъ вдаль въ "Кашеѣ" и "Святославичѣ" Вельтмана, пожалуй въ великолѣпной языковской сказкѣ о "Сѣромъ волкѣ и жарѣ птицѣ", смѣшала свои чистыя воды съ мутными водами другого русла въ романахъ Лажечникова, затаилась потомъ, загороженная отрицательною литературою сороковыхъ годовъ и потомъ потекла себѣ какъ Волга отъ Костромы въ дѣятельности Островскаго, принявши въ себя на пути нѣчто вродѣ Камы -- "Семейную хронику" покойнаго Аксакова...

Разница между этими двумя струями, въ приѣмѣ, въ точкѣ отправленія.

Для людей, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Островскій, отчасти Вельтманъ, Лажечниковъ, Аксаковъ, какъ для художниковъ, творчество невозможно безъ натуры, безъ опредѣленныхъ типовъ. Въ "развитіе" души челоѣческой, т. е. въ то, чтобы люди когда-либо были звѣрями, а потомъ сдѣлались людьми, они плохо вѣрятъ. Душу челоѣка они мѣрятъ во всѣ времена и вѣка на одинъ аршинъ; душевныя явленія объясняютъ одними и тѣми же законами. Погодина, ревностнаго и рьянаго защитника памяти Бориса, выставившаго поспѣшность и нелѣпость слѣдствія по дѣлу убіенія царевича Димитрія за одно изъ доказательствъ невинности Бориса, который сумѣлъ бы ловчѣе и умнѣе схоронить концы, Пушкинъ поразилъ простымъ возраженіемъ, что какой угодно наиумнѣйшій челоѣкъ торопится поскорѣй отдалить отъ себя слѣды страшнаго дѣла и до тѣхъ поръ, пока отъ представленія о немъ какъ-нибудь не отдѣлается,